
**OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES**

ISSN 2224-5294

Volume 3, Number 313 (2017), 93 – 99

UDC 821

S.V. Ananyeva

Institute of Literature and Art named after M. O. Auezov, Almaty, Kazakhstan

**MODERNISM AND POSTMODERNISM IN
THE CONTEMPORARY LITERARY PROCESS**

Abstract. In the contemporary world literary process, the genre and thematic variety of prosaic texts include postmodern discourse. Evolving from modernism to postmodernism, national literature in its development is based at the same time on realistic traditions. Experimenting with the form and complicating the plot-compositional structure of the works, the authors actively develop surreal and fantastic motifs, mythological imagery, metaphorical style. The pictures of reality and artistic fiction are unconventionally intertwined in the narrative. The authors experiment with the language and text, graphic design with different fonts, and the inclusion of sms messages. They continue experimenting by including a visual, editing and clip-like series of images.

Key words: transculturization, trend, modernism, postmodernism, neo-realism, ethno postmodernism, style, poetics, plot, intrigue, fantasy.

УДК 821

С.В. Ананьева

Институт литературы и искусства им.М.О. Ауэзова, Алматы, Казахстан

**МОДЕРНИЗМ И ПОСТМОДЕРНИЗМ
В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ**

Аннотация. В современном мировом литературном процессе жанровое и тематическое многообразие прозаических текстов включает постмодернистский дискурс. Эволюционируя от модернизма к постмодернизму, национальные литературы в своем развитии опираются в то же время на реалистические традиции. Экспериментируя с формой и усложняя сюжетно-композиционную структуру произведений, авторы активно разрабатывают сюрреалистические и фантастические мотивы, мифологическую образность, метафорический стиль. Картины реальности и художественного вымысла причудливо переплетаются в повествовании, продолжается эксперимент с языком и текстом, графическим оформлением разными шрифтами, включением sms-сообщений, визуального, монтажно-клипового ряда изображений.

Ключевые слова: транскulturизация, тенденция, модернизм, постмодернизм, неореализм, этнопостмодернизм, стиль, поэтика, сюжет, интрига, фантастика.

В современном литературоведении наряду с понятиями «мультикультурализм», мультикультуральность (культурное разнообразие), культурный трансфер все активнее вводится в научный оборот транскulturация, которая «на переходе от Большого Модерна к Пост-Модерну в конце XX века, от Современности к Пост-Современности на рубеже XX-XXI веков ... охватывает все большие мировые зоны» [1, с.285]. Для изучения современных литератур открываются кафедры интеркультурального литературоведения (interkulturelle Literatur wissenschaft) и лаборатории, исследующие механизмы ассимиляции текста в чужой культуре (lestransferts culturels).

В современной болгарской литературе П. Антов особо выделяет динамику ускоренного изменения «соотношения двух основных тенденций, которые можно определить как модернизм и постмодернизм» [2, с.153]. Неореализм, постмодернизм, этнопостмодернизм (П. Антов), стремление не отстать от мейнстрима глобализации – ведущие направления развития литературного

процесса. Меняется стиль повествования и манера письма прозаиков в разных национальных литературах.

Так, «в новейшей русской словесности нет ... мощного диалогизма, но присутствуют ставшие привычными монологи – идейно-художественные системы А. Проханова, В. Пелевина, Ю. Мамлеева, Л. Улицкой, Р. Сенчина, П. Крусанова, Д. Быкова. Конечно, есть мастера, пытающиеся выйти на уровень психологически сильного слова, призывающего читателя следить за его обновлением и изменением» [3, с.72]. К ним А. Татаринов относит М. Шишкина (роман «Письмовник», 2010), З. Прилепина (сборник «Восьмерка», 2012), М. Гиголашвили (роман «Захват Московии», 2012), в которых «на высоком уровне поэтика речей, лингвистическое оснащение повествования» [3, с.74].

О постмодерне в литературе Казахстана пишут А. Жаксылыков, А. Исмакова, Л. Сафронова, А. Ишанова, А. Темирболат, Н. Сарсекеева и другие. Поэтику перехода, реорганизации, мотив пути, преодоления пространственных и временных границ, поэтику компромисса и поиски идеала выделяет Л. Сафронова в учебном пособии «Постмодернистская литература и современное литературоведение Казахстана» как характерные для произведений Х. Адибаева, А. Жаксылыкова, Г. Королевой [4].

В определенной степени постмодернистскими можно назвать книги Дм. Снегина «Сказать себя, или Пелым и его обитатели» и «Флами, очарованные собой». В романе «Сказать себя...» два повествовательных пласта: внешний и внутренний. Внутренний существует в сознании, он более мистический и вбирает в себя чудесный мир души повествователя. Метафоры, символы, литературные реминисценции, хронологическая полифония – отличительная черта стиля романа.

«Флами, или очарованные собой» Дм. Снегина наполнено размышлениями о влиянии счастливой поры юности на формирование личности и представляет собой обобщенную картину переломной эпохи 30-х годов богатого контрастными потрясениями XX века. Ретроспективный взгляд автора в прошлое позволяет переосмыслить его, по-новому осветить характерные черты того времени и самобытные характеры главных героев. Жанр автор (он же лирический герой повести. – С.А.) определил как степную сказку. Повесть автобиографична, автор ведет своеобразный диалог с читателем, спорит с ним, убеждает, иногда иронизирует: «Все это выдумки! – возмутится иной читатель. – Такое бывает только в сказках. Верно: сказка – ложь, да в ней намек. Так считал и наш Великий Поэт. Таинственные, загадочные неожиданности подстерегают нас со дня рождения и не выпускают из своих сетей до последнего вздоха. Мы об этом не догадываемся, пока они не становятся мучительно сладкими воспоминаниями» [5, с.13].

Изображение безбрежной степи раздвигает пространственные рамки повести и появляется мотив вечности: «Безбрежность степи, мнилось, велика оттого, что воздух, ее оберегающий, серебрист и пронзительно прозрачен. Видна, как на ладони, каждая былинка, прильнувшая к миражно-отдаленному горизонту; беспрепятственно и незримо кочующие запахи и шорохи подчеркивают безмолвие и величие степи. Хочется упасть навзничь, раскинуть руки, смежить глаза и, отрешившись от роковых страстей времени, раствориться в *вечности*...» И тут же следует авторская ремарка: «Над ней, слышал, время не властно...» [5, с.23].

Но на фоне поэтичных степных пейзажей писатель передает предчувствие надвигающихся перемен. Убогие аулы с плоскострельными мазанками, самодельные очаги не вписываются в пасторальную картину. Мужчины преклонных лет «с редкими – клинышком – бородками» встречали и провожали студентов «длинными, налитыми вековой тревогой и терпимостью глазами». Угрюмое ожидание перемен к худшему витало в степном воздухе. Узун-кулак доносит: «Какие-то центровики затевают гибельный перегон всех овец нашей округи в южную пустыню под предлогом приблизить продовольственную базу к рабочему классу Караганды и Джезказгана... Быть всеестепному мору» [5, с.32].

Скупыми и точными фразами Дм. Снегин повествует о переменах в степи, в Рождественке и Алма-Ате. Степь словно уменьшается пространственно. В Алма-Ате отстранен от занимаемой должности под каким-то невразумительным предлогом общительный, темпераментный, энциклопедически образованный Ураз Джандосов. «Число разлук без расставания выросло еще на одну», – резюмирует автор.

Повесть Дм. Снегина – поэтическое повествование о юности 30-х годов XX столетия. Бег времени неумолим. «Шажки секундной стрелки по циферблату небесной сферы... меняют все

сущее». Протяжным блением сопровождается глубокими степными ночами «при скорбном посвечивании луны» перегон несчетного скопища овец. Меняется тональность степного пейзажа. Бело-розовая цветовая гамма уступает место рваным угрюмым теням, чадившим смрадом головешкам, дымному удушью. Жизнь познается юными героями во всем многообразии красоты и трагедийности, пока еще ими не осознаваемой.

В современной литературе Казахстана тематика произведений писателя, публициста, киносценариста Д. Амантая, одного из ярких представителей новой волны в казахской литературе и манера его письма, безусловно, обращают на себя внимание. Одни пишут о нем как о постмодернисте, другие – как об основоположнике городской литературы. Героями его произведений является молодежь, образованная, интеллектуальная, ищущая ответы на непростые вопросы современности («Цветы и книги» и др.). По образному определению Г. Бельгера, «в прозе он философ, в философии – прозаик» [6, с.262]. Великолепно ориентируясь в мировой классике и современной литературе, свободно переходя от сопоставления образов и мотивов в национальных литературах к анализу казахской, Д. Амантай убедителен в выводах. Эссе, выходящие из-под пера Д. Амантая, индивидуальны, неповторимы и нередко пронизаны грустью. Автор убежден, что «все преходяще, кроме чувств».

Он высоко ценит человеческую память: «Только человеческая память – вечность, все, пережитое тобой, никогда не забудется, ты через всю свою жизнь, до самой смерти пронесишь даже однажды мельком увиденный и ставший любимым образ в памяти. Вечность солнца не важна, важно до боли знакомое и любимое тобой» (эссе «Однажды увиденный образ»). Человеческие чувства, особенности восприятия связаны с мирозданием. Каждый из нас вступает в диалог культур, литератур, взаимообогащаясь.

Высоко оценен критикой роман Д. Амантая «Цветы и книги», о котором А. Фишлер отзывается восторженно: «Цветами восславлять Землю и Солнце, книгами отвергать пустоту: вот две заповеди, утверждаемые в книге «Цветы и книги» Дидара Амантая, молодого казахского писателя, которая была написана в 2003 году и в 2012 году переведена и издана во Франции. Можно ли считать его как исследование литературного творчества, его актуальности, его формы, поиска и колебаний? Является ли это романом, где вымысел и реальность смешались в сложных отношениях? Это все вместе взятое. Это также цвет международного литературного творчества, Дидар Амантай с удовольствием много раз упоминает в длинном списке авторов всех континентов, чтобы воздать должное всем тем авторам, мыслями которых он переполнен, в частности, это Абай, старейшина Центральной Азии, но также Махамбет и наш современник О. Сулейменов. Книга, где размышление граничит с философским и религиозным поиском, основанном на великой духовности мира и на поиске божественной истины в великой духовной толерантности, хорошо развитой на протяжении веков в Центральной Азии» [7, с.260].

На страницах современной прозы Финляндии, в которой литература развивается на финском, шведском и саамском (лопарь) языках, ярко отражены «социальные перемены, произошедшие в обществе: глобальный экономический кризис и последовавший за этим повышенный интерес к экономическим вопросам, социальное расслоение финского общества и всеобщая раздробленность постиндустриального мира» [8, с.10].

Постмодернизм в литературе Финляндии представлен яркими именами. В издательстве «Tammi» увидел свет первый в современной мировой литературе роман «Последние сообщения» Ханну Лунтиала (Hannu Luntiala), полностью составленный из sms-сообщений, а первое sms-сообщение было отправлено, как известно, в Финляндии в 1993 году. В 2006 году число мобильных телефонов в Финляндии превысило число жителей страны. Объем романа – более трехсот страниц, на которых расположены в хронологическом порядке около тысячи sms-сообщений. В тексте необычного художественного произведения сохранены особенности стиля sms-сообщений, принятые сокращения и даже ошибки. Захватывающая интрига основана на том, что оставивший пост руководителя крупной IT-компании – финского отделения «Майкрософта» решил совершить путешествие по местам своей юности – Стокгольм, Копенгаген, Амстердам, Париж, Барселона, Малага. Но со счетов пропадают четыре миллиона долларов, и путь главного героя теперь лежит на Ближний и Дальний Восток.

Герой романа, оказавшийся по собственной воле на исходе жизненного пути вдали от родных и близких, которые до определенного момента и не подозревают о его болезни, общается с ними с

помощью телефонных сообщений, раскрывающих его взгляды на мир и шире – моральные и философские идеи романа. И на обложке оригинально изданной книги – мобильный телефон, на фоне экрана которого – падающий (или летящий) вниз головой человек. Причем в оригинальном издании текст романа состоит из сообщений на финском, шведском и английском языках, одно только на испанском. При получении текстового сообщения из другого часового пояса, как известно, адресат видит время отправителя. И в романе все временные указания даны по финскому времени. И все же, исходя из дат спортивных матчей, о которых сообщает персонаж своим близким и друзьям, можно отнести происходящие события к 2005 году.

Жанр произведения наиболее точно можно определить не как детектив, а психологическую драму. «Главный герой стремится выполнить программу-мечту, эгоистично не заботясь о чувствах близких. Впрочем, не исключая, – пишет О. Рогозина, – что кому-то его поступок может показаться мужественным. Друзья и родственники сходят с ума от невозможности что-то изменить. История начинается 27 апреля, перед любимым финнами праздником Ваппу, а заканчивается 20 июня сообщением от авиакомпании Кувейта с предложением зарегистрироваться на рейс. Ответа нет, история заканчивается» [9].

Заслугу автора произведения критики видят не в том, что он «придумал новую форму романа, а в том, что он смог в короткие сообщения вложить то, что обычно содержится в «больших» книгах – характеры героев и вызванные их поступками эмоции и ощущения. Сам автор в одном из интервью сказал, что общение только с помощью мобильных телефонов представляет угрозу для социальных отношений. Писатель уверен, что сейчас, более чем раньше, важно встречаться с людьми и общаться с ними лицом к лицу», – завершает обзор О. Рогозина [9].

Одно из двух крупных финско-шведских издательств объявило конкурс в 2011 году на лучший роман «с интригой», увлекательным сюжетом, помимо сложного, экспериментального языка. Первой финско-шведской писательницей, получившей престижную шведскую премию – Премию Августа Стриндберга стала наиболее переводимая на иностранные языки Моника Фагерхольм, роман которой «Американка» [10] вошел в топ-лист Опри Уинфри.

Эпиграфом к роману М. Фагерхольм выбирает слова Т. Уильямса «Никто в мире не знает моей Розы, кроме меня». Действие разворачивается в конце 60-х годов XX века на окраине Нью-Йорка, в Кони-Айленд. Героиня молода, ей 15 или 16 лет, напоминает хиппи («Она никто. Так просто разъезжает по свету. Живёт, чем бог подаст. Встречается с людьми»). Девочка-американка Эдди де Вир счастлива, потому что небо высокое, мир огромный. Найдут ее мертвой на другом краю земли, в озере Буле.

Оппозиция свое / чужое помогает раскрытию образа героини произведения, созданного в жанре фантастики, нуар. Говорила она странными фразами и была в поселке чужой. Зримо и кинематографично описание увиденного: «Она лежала на дне озера. Волосы шевелились вокруг головы тяжёлыми длинными прядями, словно щупальцы каракатиц, глаза и рот широко раскрыты. Он заметил её со скалы Лоре, где стоял и смотрел на воду. Он увидел неслышный крик, который вылетал из её открытого рта. Посмотрел ей в глаза, они были пусты. Рыбы проплывали сквозь пустые глазницы и другие отверстия в её теле».

В романе по мере развития повествования появляется мотив зачарованности смертью. Автор произведения экспериментирует не только с действующими лицами, сюжетными ходами. Она графически выделяет предложения, некоторые – курсивом. По Зимнему саду разносится музыка Королевы Озера. Героини меняются местами. *«Дети пришли в Зимний сад, который открылся в лесу – там, где начинался Второй мыс. Причудливые старинные буквы над воротами отсылали воспоминания к старинному саду в какой-то другой стране, сфинксы по обе стороны от входа в свет, прежде всего свет. Яркий серебристо-металлический свет слепил глаза детям, вышедшим из темноты»* [10].

В то же время действия встроены в канву исторических событий. Но в начале была война, война, которую проиграли. Победившая держава на востоке решила на отданных ей территориях строить военные базы. Независимость была сохранена, хотя жители посёлка переселены. Так обозначены реалии XX века.

Метафоричен стиль повествования, необычны сравнения: «Причалы *высовывались* между скал, словно языки». Запоминается *апельсиновая* луна на фоне моря, которое смыкалось с горизонтом.

Как живой, обрисован домик на сваях. Стекланный дом «стоял на горе, и стена, обращённая к морю, была вся из стекла – высокие окна от пола до потолка. Солнце проходило через стеклянные панели и отражалось в воде, и на стенах начиналась игра цвета и движения, особенно явная осенью, когда дули сильные ветра... Самым лучшим в нём была веранда со стороны входа – площадка с лесенкой прямо в море. Она словно *отвернулась* от всего – оттуда было видно лишь море и ничего больше» [10]. Море – также действующий персонаж, в котором словно тонет голос героини. «А потом её голос вновь *стихает, тонет* в волнах, пене, воде, ветре, который обдаёт их брызгами и плещет, и плещет на них».

Оппозиция живое / мертвое также представлена в романе М. Фагерхольм. Все вокруг будто живое. «Прислушайся к дому, – призывает рассказчик, – он *словно живой*». Дом похож на картинку в мозаике «Альпийская вилла в снегу. 1500 деталей». Между героями не остаётся пространства для слов.

Особым смыслом наполнен концепт *дома*. «Дом на болоте теперь ее, не как собственность. Но как *судьба*». Ночь в новом доме холодная, грозная, удивительная. Дом в то же время – плод ненависти. Спичечный дом для спичечных людей. Переплетение фантастического мира с реальным – отличительная черта поэтики и стиля широко обсуждаемого в читательских кругах романа М. Фагерхольм «Американка».

Сочетание в художественных произведениях эксперимента с «пронзительным реализмом» в изображении характеров действующих лиц на фоне сверхъестественных событий стало одним из новейших направлений развития современной шведоязычной литературы Финляндии. «Готическая романтика ужасов, средневековые твари и привидения» в студенческих общежитиях, городских квартирах и на паромах в окружении водной стихии – не столь редкие элементы повествовательных структур. Черные галки как один из архетипов романа-дебюта Стефана Нюмана «Анна онлайн», раскрывающего отношения между молодыми людьми, современными студентами, отсылают читателя к произведениям Эдгара По и Агаты Кристи («Карман, полный ржи») с мотивами всеобъемлющего страха. Мир реальный и мир ирреальный, мир необъяснимого в образах древних фольклорных персонажей – характерная черта повествовательных стратегий литературы для подростков, создаваемой Х. Андерсон и М. Турчанинофф. Появление подобных романов М. Антас связывает с «глобальным бумом фэнтези, но в то же время они кажутся естественным продолжением мира мумитроллей Туве Янсон и размеренных рассказов гранд-дамы Ирмелин Сандман-Лилиус о маленьких городах и маленьких людях, с которыми в смутное время случаются паразитические вещи» [11, с.22].

Критики и переводчики отмечают, что произведения авторов, появившихся в Китае в начале 1980-х годов с началом политики «реформ и открытости», среди которых и Мо Янь, абсолютно не похожи на произведения китайской литературы прежних лет, полностью подчиненных политике в соответствии с провозглашенным еще Мао Цзэдуном в 1942 году «творческим методом сочетания революционного реализма и революционного романтизма». «Страна вина» относится к экспериментальным произведениям Мо Яня и отражает поиски стиля. Безусловно, роман постмодернистский. Именно это, уверен И. Егоров, «как нельзя лучше подходило для знакомства русского читателя с его творчеством, несмотря на обилие китайских реалий, аллюзий, идиоматических выражений и традиционного китайского реализма, нередко переходящего в натурализм. Тогда Мо Яня у нас никто не знал, и я надеялся, что после прочтения такого романа, где смешаны фантастика и реальность и на голову читателя обрушивается лавина самой разной информации, имя автора запомнится вне зависимости от произведенного впечатления — положительного или отрицательного. Так, собственно, и случилось: мнение читателей разделяется 50 на 50» [12].

Интересен «Тотем волка» Цзян Жуна сюжетом и темой экологии, историей волков и противопоставлением монголов и китайцев. «Последний император» (название, предложенное издательством для романа «Моя царская судьбина») Су Тана заслуживает внимания как изящная, хоть и страшная картинка-размышление по мотивам древней китайской истории. Но Су Туна И. Егоров считает больше «писателем камерным, он чужд эпического и предпочитает филигранные психологические описания героев, их дум и сомнений, он известен также как большой знаток женской души. У Мо Яня подход масштабнее и многограннее. В своих произведениях он не боится затрагивать самые чувствительные темы китайской истории. Например, роман «Лягушки» (2009)

посвящен такой болезненной для китайцев теме, как ограничение рождаемости. Его тексты очень насыщенные, Мо Янь будто торопится высказаться, тонкий стилист, он нередко повествует от лица не одного, а нескольких рассказчиков» [12].

В современном мировом литературоведении важна проблема отношения читателя и писателя как для авторов-реалистов, так и модернистов, и постмодернистов. Символично названо одно из прозаических произведений белорусского прозаика А. Бадака – «Идеальный читатель». «Подавляющее большинство писателей мечтает о своем массовом читателе, и только немногие грезят о читателе идеальном, прекрасно понимая, что идеальных (это значит, талантливых) не намного больше, чем талантливых писателей. К сожалению, слишком часто отыскать одного человека труднее, чем найти тысячи людей... Идеальное чтение напоминает настоящую любовь: при нем взгляд бежит по словам, будто по телу, и прежде чем проникнуть вглубь текста, чтобы получить от этого наивысшее наслаждение, он получает наслаждение от созерцания того, как построены фразы и поделен текст на абзацы. Из этого нетрудно догадаться, что идеальное чтение, как и любовь, может явиться не сразу, не с первого знакомства с текстом, а идеальный читатель со временем может остыть к своему любимому автору и увлечься другим. Наконец, что тоже очень важно, чтобы иметь своего идеального читателя, необязательно быть гениальным писателем, потому что приверженность к творчеству конкретного автора порой бывает столь же необъяснима и непредсказуема, как и любовь» [13, с.86-87].

Автор-повествователь «Идеального читателя» раскрывает творческую лабораторию, свой процесс работы над художественным текстом. Он требователен к себе и строг. «Часто, гуляя по городу, я перебираю в памяти слова, будто гальку для мозаики: я подбираю их друг к другу и складываю в фразы, чтобы после вложить их в уста своих героев. Бывает, слов аж в избытке; бывает, наоборот, их не хватает; но и в первом, и во втором случае далеко не каждый раз удастся составить фразы, которые после не рассыпались бы на отдельные слова – так, как это всегда бывает с банальными фразами». Однажды, три года спустя после поездки в Ашгабад, зазвучали не слова, а музыка. Фразы для героев «превращаются в ноты. Я вспомнил мелодию: это был концерт ре-мажор Равеля для левой руки, написанный им за несколько лет до того, как он перестал узнавать собственную музыку» [13, с.87]. Таинство творчества очаровывает и приоткрывает завесу над процессом создания художественных текстов, к какому бы литературному течению и направлению не принадлежал их автор.

Меняется «структура литературного процесса, статус литературы и сама литература, но книга продолжает оставаться высшей нравственной и духовной ценностью... В прозе появляются новые горизонты, новые художественные темы, литературные формы и стили», – к такому выводу пришли авторы коллективной монографии «Мировой литературный процесс XXI века» [14, с.3]. В условиях би- и полилингвизма, мультикультуризации идет формирование трансконтинентальной литературы, литературы «европейского дома» (А. Барсуков). Постмодернистский дискурс реализуется как «специфическая модель репрезентации (нарративный, антинарративный, иронично-пародийный, фрагментарный и т.д.) [14, с.4]. Современный литературный процесс ярок и разнообразен.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Земсков В. Сравнительное литературоведение и «История мировой литературы» // Вопросы литературы. Май – Июнь 2016. – С.282-285.
- [2] Болгарская литература // Новейшая зарубежная литература / Отв. редактор С.А. Каскабасов. – Алматы: Жибек жолы, 2011. – С.153-171.
- [3] Татаринов А. Современный роман: важные встречи с небытием // Вопросы литературы. Ноябрь – Декабрь 2013. – С.67-82.
- [4] Сафронова Л.В. Постмодернистская литература и современное литературоведение Казахстана. – Алматы: КазНПУ им.Абая, 2006. – 96 с.
- [5] Снегин Дм. Флами, или очарованные собой. – Алматы: Ана тілі, 1997. – 224 с.
- [6] Бельгер Г. Дидар и его рассказы // Бельгер Г. Воздух времени. Избранное: Сочинения в 10-ти т. – Алматы: Балалар әдебиеті, 2012. – С.262-267.
- [7] Мамраев Б.Б., Ананьева С.В. Проза независимого Казахстана в контексте казахско-американского культурного трансфера // Казахско-американские литературные связи: современное состояние и перспективы / Отв. редактор С. Ананьева – Алматы: Әдебиет Әлемі, 2016. – С.237-265.

- [8] Пааволайнен Н. О финской прозе // Современная литература Финляндии – богатство голосов. Информационный бюллетень Finfo. – Финляндия: Министерство иностранных дел, 2011. – С.5-11.
- [9] Рогозина О. Последние сообщения // <http://terve-suomi.com/kulturny-otdyh/knizhnaya-polka/314-khannu-luntiala-poslednie-soobshcheniya.html>
- [10] http://bookfor.ru/sovremennaya_proza/9554-amerikanka.html
- [11] Антас М. Шведоязычная литература Финляндии // Современная литература Финляндии – богатство голосов. Информационный бюллетень Finfo. – Финляндия: Министерство иностранных дел, 2011. – С.18-22.
- [12] Мо Янь – писатель из народа // <http://sozvuchie.by/news/2016-11-28-6>
- [13] Бадак А. Идеальный читатель // Простор. – 2016. – №11. – С.84-97.
- [14] Мировой литературный процесс XXI века /Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: Әдебиет Әлемі, 2016. – 312 с.

REFERENCES

- [1] Zemskov V. Sravnitel'noye literaturovedeniye i «Istoriya mirovoy literatury» // Voprosy literatury. May – June **2016**. P.282-285.
- [2] Bolgarskaya literatura // Noveyshaya zarubezhnaya literatura / Отв. редактор S.A. Kaskabasov. Almaty: Zhibek zholy, **2011**. P.153-171.
- [3] Tatarinov A. Sovremennyy roman: vazhnyye vstrechi s nebytiyem // Voprosy literatury. November – December **2013**. P.67-82.
- [4] Safronova L.V. Postmodernistskaya literatura i sovremennoye literaturovedeniye Kazakhstana. Almaty: KazNPU im.Abaya, **2006**. 96 p.
- [5] Snegin Dm. Flami, ili ocharovannyye soboy. Almaty: Ana tili, **1997**, 224 p.
- [6] Belger G. Didar i yego rasskazy // Belger G. Vozdukh vremeni. Izbrannoye: Sochineniya v 10-ti t. Almaty: Balalar adebiiyeti, **2012**. P.262-267.
- [7] Mamrayev B.B., Ananyeva S.V. Proza nezavisimogo Kazakhstana v kontekste kazakhsko-amerikanskogo kulturnogo transfera // Kazakhsko-amerikanskiye literaturnyye svyazi: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy / Отв. редактор S. Ananyeva – Almaty: Adebiiyet Alemi, **2016**. P.237-265.
- [8] Paavolaynen N. O finskoy proze // Sovremennaya literatura Finlyandii – bogatstvo golosov. Informatsionnyy byulleten Finfo. – Finlyandiya: Ministerstvo inostrannykh del, **2011**. P.5-11.
- [9] Rogozina O. Posledniye soobshcheniya // <http://terve-suomi.com/kulturny-otdyh/knizhnaya-polka/314-khannu-luntiala-poslednie-soobshcheniya.html>
- [10] http://bookfor.ru/sovremennaya_proza/9554-amerikanka.html
- [11] Antas M. Shvedoyazychnaya literatura Finlyandii // Sovremennaya literatura Finlyandii – bogatstvo golosov. Informatsionnyy byulleten Finfo. – Finlyandiya: Ministerstvo inostrannykh del, **2011**. P.18-22.
- [12] Mo Yan – pisatel iz naroda // <http://sozvuchie.by/news/2016-11-28-6>
- [13] Badak A. Idealnyy chitatel // Prostor. **2016**. №11. P.84-97.
- [14] Mirovoy literaturnyy protsess XXI veka /Отв. редактор S. Anan'yeva. Almaty: Adebiiyet Alemi, **2016**. 312 p.

ӘОЖ: 821

С.В. Ананьева

М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, Алматы қ., Қазақстан

ҚАЗІРГІ ӘДЕБИ ҮДЕРІСТЕГІ МОДЕРНИЗМ МЕН ПОСТМОДЕРНИЗМ

Аннотация. Қазіргі әлемдік әдеби үдерістегі прозалық мәтіндердің жанрлық және тақырыптық көптірілігі постмодернистік дискурсты қамтиды. Ұлттық әдебиеттер модернизмнен постмодернизмге бірте-бірте дамуы барысында сонымен бірге реалистік дәстүрге де бой алдырады. Формаға тәжірибе жасай отырып және сюжеттік-композициялық құрылымын күрделендіру арқылы авторлар сюрреалистік және фантастикалық сарынды, мифологиялық бейнелілікті, метафористік стильді белсенді түрде жетілдіріп отыр. Шынайы көрініс пен көркемдік бейнелілік баяндау барысында қым-қуат өріліп, мәтін және оның тіліне тәжірибе жасау, әртүрлі шрифтпен графикалық өңдеулер жасау, sms-хабарламалар, көзбен көру, монтажды-клипті суреттер тобын қосу жалғасын табады.

Түйін сөздер: транскультуризация, үрдіс, модернизм, постмодернизм, неореализм, этнопостмодернизм, стиль, поэтика, арқау, шығырман, фантастика.